ВИЗАНТИЙСКИЙ ПРАВОВОЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА

ПАВЛОВ В.И.,
докторант научно-педагогического факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Рассматривается проблема переосмысления места византийского права в процессе рецепции классического римского права в восточнославянские правовые системы. Критически осмысливается сложившееся под влиянием западноевропейской традиции периферийное место византийского права. Обосновывается, что византийская правовая традиция, оказавшая серьезное влияние на право Древней Руси, представляла собой не исключительно религиозную систему регулирования, а синтезированную нравственно-юридическую систему с сохранением традиционных формально-правовых методов регулирования. Рассматриваются особенности гуманистической византийской правовой мысли, делается вывод о том, что в империи изучались новые методы познания, такие как схоластика, однако которые не стали доминирующими по цивилизационно-культурным причинам.*

Введение. В современной правовой мысли, связанной с изучением правовых традиций и культур, является обоснованным положение о том, что формирование западной правовой традиции происходило под мощным влиянием средневекового схоластического мировоззрения. Сложившаяся к XIX в. В континентальной Европе догма права во многом представляла собой образцы схоластического правового представления, которые создавались глоссаторами и комментаторами в Средние века. На этом основании некоторые исследователи применительно к формированию западной традиции права даже отказывают ей в праве на наследие римского права. Так, В.А.Томсинов полагает, что рецепция римского права является на самом деле «процессом включения античных правовых текстов в духовное поле средневековой европейской культуры» [1, с. 277]. «Университетская» традиция римского права с ее опорой на авторитетный текст, – утверждает ученый, – не просто зародилась в рамках средневекового западноевропейского общества, она – эта традиция – была неотъемлемым элементом данной общественной системы и ее духовной культуры. Отсюда очевидно, что говорить применительно к ней о «рецепции римского права» – значит говорить бессмыслицу» [1, с. 279].

Оставляя в стороне полемику относительно вопроса рецепции римского права в западной правовой традиции, более важным представляется исследовать влияние религиозных традиций на развитие различных правовых систем. В этом отношении для права восточнославянских народов, несмотря на его формальную принадлежность к романо-германской правовой семье, существенным является влияние восточно-христианской религиозной традиции, которая в эпоху Средневековья была представлена в основном восточно-римским, или византийским христианством, воспринятым славянами на исходе X в. Изучение формирования восточнославянских правовых систем в контексте христианской религиозной традиции поэтому должно быть связано не только с феноменом западного (итальянского) пути рецепции римского права, но и с анализом византийского правового наследия [см. подробно по вопросу: 2, с. 288–296]. Самой важной особенностью здесь является то, что в византийском праве схоластика как явление сугубо латино-христианское не нашла отражения по историческим, религиозным и цивилизационно-культурным причинам, а соответственно, она не была транслирована и в право Древней Руси, в том числе на белорусские земли. Позднее, правда, в право Великого Княжества Литовского отдельные схоластические элементы отчасти проникли путем польско-немецкого правового влияния. Однако изначальным базовым основанием

формирования правовой традиции и культуры восточных славян стала не западная, а византийская правовая традиция. Разумеется, центральным элементом этой правовой традиции было восточное христианство.

Основная часть. Сербский исследователь А.Джорджиевич, профессор из Северной Македонии А.Ристов и российский историк права А.В.Серегин отмечают, что аналогом правовой семьи в эпоху Средневековья для славянских народов, которые приняли крещение от Византии и попали в поле ее культурного влияния, была «средневековая славяно-византийская юридическая конгломерация», или «греко-славянская христианская цивилизация» [3, с. 10]. Исследователи отмечают, что «славянские народы, принявшие крещение от Константинополя (болгары – в 864 г., сербы – около 870 г., русы – в 988 г.), не только оказались в новой системе нравственно-этических, сакральных и политико-правовых координат, но и были включены в библейскую парадигму человеческой цивилизации. То, что еще вчера осуждалось, вдруг стало поощряться, и наоборот, то, за что воевали, – было признано порочным и противозаконным» [3, с. 10].

Действительно, есть все основания для выделения в отдельную правовую семью, традицию или конгломерацию права этих славянских государств. Особенностью этой юридической конгломерации было то, что в своей основе она содержала: а) систему христианизированного восточно-римского (т.е. византийского) права, б) систему канонического права Вселенской церкви, в) законодательство, правовые обычаи и судебную практику таких древнеславянских народов, как сербы, болгары и русы. Нельзя не учитывать и тот факт, что, по меткому выражению известного дореволюционного византиниста П.В.Безобразова, «в Средневековой Европе Византия была самой неограниченной монархией и по странному противоречию самой демократической» [4, с. 1]. М.И.Исаев отмечает, что «Византия была республиканской монархией, это была прежняя respublica, но не квиритов, а ромеев» [5, с. 476]. Дореволюционный правовед-византинист В.Е.Вальденберг, указывая на положение Ульпиана III в. и эдикт Юстиниана 530 г. отмечал, что Византия – «монархия демократическая, видящая свое основание в воле народа <…> Византийский император, значит, властвует не по собственному праву, *а по делегации от народа*, и является, следовательно, представителем народа» [6, с. 27–28]. Демократический и теократический принципы правления в Византии IV–VII вв. не исключают, а дополняют друг друга: «Император, избранный народом, рассматривается в то же время как получивший власть от Бога» [6, с. 31].

Современный греческий византинист, профессор университета штата Огайо (США) Э.Калделлис обосновал республиканский, демократический характер Византийской империи на основании доказательства сохранения и трансляции в империи римской «res publica» через греческую «πολιτεία» («politeia») [7, с. 55][1]. Несмотря на то что автор пытается ретушировать, искусственно отодвинуть значение православной правовой идеологии в истории Византии и процесса христианизации продолжающего действовать в империи классического римского права (видимо, по личным мировоззренческим мотивам), тем не менее, он обстоятельно доказывает правовой характер византийской государственно-правовой системы и наличие правовых ограничений императорской власти.

[1] Э.Калделлис удачно, на наш взгляд, обосновывает характер и способ осуществления власти в республиканском Риме и Византии в связи с «politeia» с позиции современного дискурс-анализа и теории политического поля П.Бурдье: «Res publica в древнем Риме и politeia в Византии отсылали не к типу режима, но к политическому полю, делавшему легитимным осуществление власти с привязкою к общим интересам и к верховному суверенитету римского народа. Res publica могла управляться монархически» [7, с. 55].

Известный советский византинист М.Я.Сюзюмов, основатель уральской школы византиноведения, обосновал идею непрерывности существования государственности «империи Ромеев», ее континуитета (традиционализма) [8–11]. Под последним ученый понимал непрерывность исторического развития античных, греко-римских форм и их

дальнейшую эволюцию уже в рамках византийской цивилизации, которая осуществила своего рода трансфер Античности в Средневековье и Новое время, в том числе распространившийся и на западноевропейскую цивилизацию. Ученый указывал на непрерывный универсализм и многонациональность Византии, поскольку не народность, а суверенитет стал основой единства империи [12, с. 249], причем, добавим от себя, в юридико-идеологическом смысле этот суверенитет во многом основывался на христианстве как стержневой идее государства. Континуитет касался и римского права, развитие которого в Византии не прерывалось и основывалось на суверенитете института частной собственности, т.е. на ее правовой охране со стороны закона независимо от сословной принадлежности собственника и того, кто на нее посягает. Не является здесь исключением и культура, государственность и право Древней Руси, которые в своеобразной форме рецепировали византийские культурные и юридические формы.

В современном русскоязычном общетеоретическом правоведении, а также в истории права и правовых идей византийский правовой вопрос, т.е. проблематика влияния византийского права и византийской правовой мысли на восточнославянские правовые системы, а также возможность использования тех или иных принципов византийской правовой традиции при формировании общетеоретических правовых концепций практически не рассматривается. Вместе с тем, без исследования византийского правового влияния понимание особенностей становления правовых традиций восточнославянских стран, в частности Беларуси, России, Украины и других, на основе одного лишь уяснения западного пути рецепции римского права всегда будет неполным. Равно как неполноценным было бы изучение западной правовой традиции в отрыве от влияния на ее развитие римско-католического мировоззрения. Как небезосновательно отмечает А.М.Величко, «в западной науке (это же, как правило, относится и к русскоязычной науке – *В.П.*) давно уже стало правилом хорошего тона говорить о римском праве только в контексте его рецепции германскими народами, и забывать о том, что оно жило своей жизнью и развивалось в течение тысячелетия, с IV по XV век на Востоке» [13, с. 62].

Действительно, в работах по рецепции римского права весьма редко можно встретить сравнительный анализ развития классической римской правовой традиции в средневековой Западной Европе и Византии. Но ведь правовая традиция последней, помимо собственно Свода Юстиниана, дала и многие другие памятники права, особенно уже в тот период, когда многие классические римские правовые разработки были переосмыслены в духе христианства. Это такие известные источники византийского права, как «Эклога», «Прохирон», «Исагога» («Эпанагога»), «Василики», «Номоканон» и др. Для восточнославянского мира цивилизационно-культурное родство с Византией и кризисное состояние самой современной западноевропейской культуры, на которую мы сегодня порой слепо ориентируемся, в том числе и по правовым вопросам, дает повод к освоению этого огромного культурного правового наследия. В связи с этим не лишены основания надежды отечественного правоведа Н.В.Сильченко о том, что «белорусская национальная правовая система будет двигаться по пути постепенного воссоздания основных качеств, свойственных восточнославянской правовой системе – системе, которая сформировалась в прошлом в условиях господства религиозно(православно)-морального типа социального регулирования и который ныне у нас возрождается. Данный тип социального регулирования наиболее полно соответствует духу и ментальности белорусского народа, вписывается в систему присущих ему духовных и моральных ценностей…» [14, с. 14]. В таком же контексте развивается мысль и российского исследователя византийской правовой системы А.А.Козлачкова, который выражает надежду на трансформацию идеи византинизма в условиях современной восточнославянской цивилизации [15, с. 182–207].

Обращение к теме византинизма в рамках юридического исследования не означает, однако, противопоставления между Западом и Востоком, рациональным и иррациональным, неправильным и правильным, плохим и хорошим по образцу

примитивной дихотомии. Сама византийская правовая традиция представляла собой весьма *специфический синтез элементов рациональности классического римского права с элементами разумности церковно-канонического регулирования*, права и веры, закона и канона, юридического наказания и епитимьи и т.д. Византийское право, с одной стороны, сочетало в себе воплощение традиционного римского метода формального юридизма в регулировании социальных отношений, развивало его и позволяло формировать на его основе общеправовые принципы, а с другой – всегда ориентировалось на цель правового регулирования, которой выступало благо в антропологическом и социальном значениях, с мощным влиянием на его понимание идей христианства. Безусловно, правовая онтология византийской традиции не являлась правовой онтологией рационализма наподобие новоевропейского, что, однако, не означает отсутствия нормативного регулирования и использования принципа разумности. К.В.Хвостова обратила внимание на использование в византийском юридическом дискурсе понятий, концептов и иных познавательных инструментов из сферы богословия и философии для их приложения в практической юриспруденции (например, концепции «пронии», «энипостаси», «антипостаси») [16]. Юридическая прагматизация понятий из богословского языка использовалась византийскими юристами для выражения собственно специфического византийского правопорядка, в рамках которого юридическое постоянно функционировало в нравственном сопряжении с богословским содержанием, в тесной связи с восточнохристианской картиной мира. «Если Фома Аквинский считал, что собственность – это результат права народов, то византийское правосознание воспринимало ее как божественный институт, связанный с деятельностью обожествляемой власти императора. Подобная трактовка также возвращает нас к идее инструменталистской функции категорий богословия, роли наименований, креативной функции языка, к концепциям целостного восприятия жизни» [16, с. 8].

Вместе с тем ошибочным является представление о византийском праве как исключительно религиозной системе регулирования. Византийская правовая традиция сформировала своеобразный синтез права и нравственности, религиозной нравственности, без потери характерных свойств одной и второй систем социального регулирования. В этом и заключается феномен византийского юридизма. Как верно отмечает в связи с этим М.И.Исаев, во все время существования Византии в ней постоянно имели место две тенденции: с одной стороны безграничная власть василевса на основании известного принципа Ульпиана «quod principi placiut legibis habet vigorem» (I. I.2 § 6) («что угодно принцепсу, то имеет силу закона»), или «Princeps legibus solutus est» (D. I.3.31) («Принцепс изъят из-под действия законов»), с другой – ограничение власти василевса принципом законности, основанным на правовой и христианской традициях Византии, а также ограничение власти василевса канонами Церкви [5, с. 478–480]. В.Е.Вальденберг, критикуя расхожий штамп о якобы присущем империи цезарепапизме[2], отмечал, что в Византии имел место не контроль императора над церковью, а юридически закрепленный «*параллелизм* двух властей – императора и патриарха… Священство и царство, ιεροσύνη και βασιλεία, рассматриваются здесь как учреждения совершенно равноправные» [6, с. 117]. Несмотря на случавшиеся факты нарушения этого принципа, имеющие, впрочем, характер правонарушений по византийскому праву, юридических оснований для смешения светской гражданской и церковной юрисдикций либо поглощения одной ветви власти другой нет.

[2] Как отмечает В.И.Земскова, термин «цезарепапизм» («cesaropapia») изобретен в начале XVIII в. Бемером как определение для двух начал злоупотребления в церкви и в целях защиты протестантской церкви. Стал популярным со второй половины XIX в. в качестве не столько теоретической, сколько оскорбительной характеристики Византии и ее православных наследников [6, с. 157].

Доказательство того факта, что византийская правовая мысль и византийское право не являлись исключительно религиозными производными в системе социального

регулирования, основывается на изучении взглядов мыслителей Византии, скрупулезном анализе источников византийского права и практики их применения. В постсоветской юриспруденции правовые концепции византийских интеллектуалов и особенности византийского права еще только предстоит полноценно ввести в учебную литературу по истории политических и правовых учений и истории государства и права зарубежных стран. Показательно, например, что в большинстве учебников по истории политических и правовых учений зарубежная средневековая правовая мысль ограничивается рассмотрением правовых воззрений только двух отцов и только Латинской церкви – Августина Блаженного и Фомы Аквинского, причем хронологическая разница между ними составляет почти 1000 (!) лет. Среди известных нам исключений следует указать учебник, подготовленный кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, в котором рассмотрены некоторые представители византийской правовой мысли [17].

К сожалению, сегодня среди правоведов о правовой культуре Византии в основном продолжают преобладать просветительско-антихристианские воззрения времен Э.Гиббона. Как отмечал М.Я.Сюзюмов, историю Византии изучают «сквозь призму взглядов Монтескье и Вольтера, от Гиббона вплоть до середины XIX столетия (до Чаадаева, Герцена и молодого Маркса) о Византии говорили, как о примере «худшего государства», как об оплоте реакции и застоя» [8, с. 32]. Известный византинист Г.А.Острогорский так писал об эпохе Просвещения: «гордая своим «разумом», своим отвлеченным морализмом и религиозным скептицизмом, эпоха Просвещения с презрением взирала на весь средневековый период человеческой истории. Особо отталкивающим находили «просветители» дух консервативной, связанной с религией Византийской империи. История Византии была для них не чем иным, как «не имующим никакой ценности собранием деклама ций и чудес» (Вольтер), «сплетением мятежей, восстаний и низостей» (Монтескье) или, в лучшем случае, трагическим эпилогом славной римской истории» [18, с. 34]. Как верно подметил С.Я.Гаген, «среди первых «обличителей» Византии находим англомана Вольтера (1698–1778), человека эпохи Просвещения, который либо игнорировал, либо не знал работ своего соотечественника Дюканжа (1610–1688), основоположника мирового византиноведения. Ибо Вольтер назвал византийскую историю «позором человеческого ума», осуждая в лице Восточно-Римской империи архетип христианского государства и монархии, который должен был неминуемо погибнуть в ходе «прогресса»» [19, с. 44]. В России подобные утверждения связаны с известным «философическим письмом» П.Я.Чаадаева, в котором Византия рассматривается как виновник отделения России от «цивилизованного братства христианских народов» и как прототип российского цезарепапизма. С тех пор «черный миф» о Византии логично соединяется и поддерживает «черный миф» об «отсталой России», которая-де находится в перманентном упадке, отклонившись от «столбовой дороги» западной цивилизации» [19, с. 51].

Первое приближение к рассмотрению процессов, происходивших в Византии, совпадающих по времени с расцветом богословия и юриспруденции на Западе (XI–XV вв.), показывает, что византийские мыслители в XII–XIII вв. в эпоху расцвета схоластики на Западе также активно осмысливали происходящие изменения. В империи были свои апологеты этого метода богословия. Однако не только в XII–XIII вв., но и гораздо раньше, еще во времена «первого византийского гуманизма» (IX–X вв.), в Византии осваивалась и адаптировалась к новым социально-политическим и культурным условиям античная мысль. Именно в период «первого византийского гуманизма» интеллектуалами империи были переписаны и изучены античные трактаты, составлены философские словари и лексиконы, благодаря чему древнее философское наследие позже стало доступно в Западной Европе и дошло до наших дней [20]. «Второй (XIV–XV вв.) византийский гуманизм» времен Палеологовского Возрождения, несмотря на

политический кризис страны, вообще стал эпохой развития богословской и философской мысли.

Интересно отметить уникальность сложившейся византийской культуры мысли, которая, в отличие от Запада, всегда выражалась в дуализме, сосуществовании религиозного и светского направлений исследования в условиях христианского государства. Дело в том, что в Византии, в отличие от Запада, так и не было создано религиозных образовательных учреждений, а сохранилась система греческих эллинистических школ дохристианского периода. Конечно, византийское православное богословие по понятным причинам было доминирующей интеллектуальной линией в империи, однако в определенном смысле оппозиционный ему светский научный гуманизм также развивался. Свободная научная полемика, отсутствие специальных государственных институций наподобие инквизиции и религиозных орденов, проведение диспутов и соборов (нередко с участием императора) по ключевым богословским и философским вопросам давали возможность строить диалоговые отношения в интеллектуальной среде. Когда в XII в. отдельными византийскими интеллектуалами под влиянием динамично развивающейся на Западе схоластики были предложены религиозно-философские концепции, построенные на основе этого метода мышления, то византийское богословие и традиционалистская философия преодолели это «искушение» схоластическим аристотелизмом. На соборах был сформулирован важнейший методологический вывод в теории познания, заключавшийся в недопустимости смешения двух разноприродных парадигм мышления – традиционной богословской (опытно-мистической) и философской (абстрактной, схоластической). Интервенции схоластики в традиционное византийское богословие было противопоставлено положение о пределах использования этого метода мышления, этой логики в качестве познавательного инструмента божественной реальности и человека.

Тем не менее, в отличие от Западной империи, в Византии изучение языческой философии и логики никогда не запрещалось, а интерес к неоплатонизму только возрастал, в том числе и в среде духовенства. Как было отмечено выше, в империи было немало гуманистов, сторонников более широкого привлечения схоластического аристотелизма в византийскую методологию познания. Впрочем, еще и до развития схоластики византийские мыслители всегда следовали принципам научности в ее своеобразном понимании и использовали формальную логику. Например, работа преподобного Иоанна Дамаскина (VIII в.) «Источник знания», или «Диалектика», представляет собой, по сути, краткий учебник по формальной логике Аристотеля. Современный логик Л.Г.Тоноян в своих исследованиях показала, что византийские интеллектуалы широко применяли научные методы познания и развивали классическую логику. Так, византиец Никифор Влеммид (1197–1272), современник Фомы Аквинского, написал трактат «Сокращенная логика» (1238). Другой византийский интеллектуал Михаил Пселл (1017–1077) еще столетием раньше в своем «Синопсисе» Σύνοψις εἰς τὴν ’Αριστοτέλους Λογικήν») изложил основы аристотелевской логики, затем повторенные на Западе в XIII в. Петром Испанским в его «Summulae logicales» [21, с. 59; 22]. Византийские мыслители-богословы наряду с аристотелевской логикой руководствовались и неклассической, неаристотелевской логикой, использовавшейся для познания божественной реальности, опираясь на трактаты Дионисия Ареопагита и традицию неоплатонизма (в XX в. возможность неклассической логики, в том числе применительно к анализу религиозного дискурса, обосновал разработчик «воображаемой логики» Н.А.Васильев [23]). Идеи неоплатоников развивал и никейский император Феодор II Ласкарис (XIII в.), ученик Никифора Влеммида. Византийский интеллектуал XIV века Алексей Макремволит на основании логической аргументации обосновывал положение о равенстве людей, выводя его из законов природы [24, с. 214]. Здесь же можно упомянуть и аналогичные научные взгляды Феодора Метохита, Георгия Гемиста Плифона и других византийских интеллектуалов.

Несмотря на то что традиционное византийское богословие и философия в связи с интенсивным развитием схоластики защищали патристическую методологию познания, тем не менее в империи никогда не вводилась систематическая цензура научных произведений. Изучение языческой античной мысли в византийских школах продолжалось вплоть до распада империи, нехристианские философские тексты Древней Греции рассматривались как законное средство образования, необходимая «внешняя мудрость». Хотя только за эпоху Комнинов состоялось около 35 диспутов по делам о так называемой интеллектуальной ереси, однако ни один из независимо мыслящих византийских гуманистов не был приговорен к смерти или сожжен на костре, анафемы никогда не сопровождались сжиганием книг [25, с. 258]. Церковь небезосновательно только защищала традиционное патристическое богословие и его эпистемологические границы, а как предостережение от разрушения традиции фиксировала опасные философские формулы в анафематизмах «Синодика» [26]. Как верно заметил по этому поводу А.Пападакис, в сложившихся условиях «православному миру пришлось искать такие пути, которые позволяли бы избежать негативного влияния логики Аристотеля как на богословие, так и на каноническое право» [25, с. 260].

Возвращаясь к вопросу о перспективах изучения византийского правового наследия в русскоязычной юриспруденции, следует отметить еще один момент. В современной юридической литературе можно встретить точку зрения, согласно которой континентальная юридическая догматика рассматривается в качестве аутентичного основания и единственной перспективы для развития профессиональной юридической культурной традиции в восточнославянских правовых системах [27, с. 458–460]. Следует согласиться, что игнорирование влияния романо-германской традиции на развитие славянских правовых систем, конечно, является методологическим упущением и крайностью. Однако ориентация *только лишь* на эту традицию лишает нас понимания собственных цивилизационно-культурных истоков в развитии правовой системы, тем более что культурно-исторический процесс каждого региона мира, каждого народа и общества обладает своими уникальными особенностями, влияющими на формирование права. Странно было бы не замечать, например, что в развитии восточнославянских правовых систем, в отличие от западной традиции права, объем и глубина нравственного содержания в правовом регулировании не случайно существенно преобладает. Эта особенность в различных формах сохраняется и сегодня, что заметно не столько в нормативных элементах права (нормах права, системе законодательства, источниках права и т.д.), сколько на антрополого-правовом уровне правовой реальности, т.е. в юридически значимом поведении, правовом мышлении, правосознании, правовых ценностях и т.д. В этой связи следует согласиться с предостережением Г.В.Мальцева относительно построения на базе позитивистской линии в праве (Д.Остин, Р.Штаммлер, А.Меркль, В.Крафт, А.Фердросс, Г.Кельзен, Г.Харт, Р.Марчич и др.) своего рода «панюридической» идеологии для восточнославянского права в ущерб нравственным правовым основаниям, гипертрофированное отношение к логическому анализу права [28, с. 58].

Заключение. Изучение византийской правовой традиции в ее влиянии на право восточнославянских народов позволит лучше понять процесс генезиса отечественного, белорусского права и его формирования в контексте влияния на него различных правовых систем. Сегодня такой историко-генеалогический правовой анализ важен еще и потому, что в современной правовой действительности все более востребованными становятся идеи правовой идентичности и самобытности различных народов и культур в условиях кризиса западной модели права, которая длительное время рассматривалась как эталонная и единственно правильная модель. Это, впрочем, должно вести не к формированию антизападного правового дискурса, а к методологическому освобождению зависимости от него.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Томсинов, В. А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» / В. А. Томсинов // Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / под ред. и с биографическим очерком У. Э. Батлера и В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2010. – С. 262–279.

2. Павлов, В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

3. Джорджиевич, А. Основные черты славяно-византийской юридической конгломерации / А. Джорджиевич, А. Ристов, А. Серегин // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 9–19.

4. Безобразов, П. В. Очерки византийской культуры / П. В. Безобразов. – Пг. : Огни, 1919. – 187 с.

5. Исаев, М. А. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавриата / М. А. Исаев. М. : Юрайт : ИД Юрайт, 2011. – 957 с.

6. Вальденберг, В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII века // В. Е. Вальденберг ; подгот. изд. В. И. Земскова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 224 с.

7. Калделлис, Э. Византийская республика : народ и власть в Новом Риме / Э. Калделлис ; [пер. и отв. ред. В. И. Земскова]. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. – 448 с.

8. Сюзюмов, М. Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории: (В порядке дискуссии) / М. Я. Сюзюмов // Византийский временник. – 1968. – Т. 29. – С. 32–44.

9. Сюзюмов, М. Я. Византийский город: середина VII в. – середина IX в. / М. Я. Сюзюмов // Сюзюмов, М. Я. Византийские этюды / М. Я. Сюзюмов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 91–130.

10. Сюзюмов, М. Я. Зачатки будущего в социально-экономической сфере Римской империи и ранней Византии: к постановке вопроса / М. Я. Сюзюмов // Сюзюмов, М. Я. Византийские этюды / М. Я. Сюзюмов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 2002. – С. 149–164.

11. Сюзюмов, М. Я. О «самостоятельном пути» становления феодализма у германцев / М. Я. Сюзюмов // Сюзюмов, М. Я. Византийские этюды / М. Я. Сюзюмов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 221–230.

12. Сюзюмов, М. Я. Суверенитет, налог и земельная рента в Византии / М. Я. Сюзюмов // Сюзюмов, М. Я. Византийские этюды / М. Я. Сюзюмов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 249–258.

13. Величко, А. М. Идея права в Византии / А. М. Величко // Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей) : сб. ст. – М. : Юрлитинформ, 2012. – С. 61–82.

14. Сильченко, Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы / Н. В. Сильченко // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 5–15.

15. Козлачков, А. А. Замковый камень византинизма. Историко-правовое исследование причин гибели Византии в связи с дискуссиями о политическом будущем России / А. А. Козлачков. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2012. – 208 с.

16. Хвостова, К. В. Византинизм «оправдание жизни» (проблемы византийской цивилизации) / К. В. Хвостова // Византийский временник. – 1998. – Т. 55 (80), ч. 2. – С. 5–14.

17. История политических и правовых учений : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / И. Ю. Козлихин, А. В. Поляков, Е. В. Тимошина ; Санкт-

Петербургский гос. ун-т, юрид. фак. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – 854 с.

18. Острогорский, Г. А. История Византийского государства / пер. с нем. М. В. Грацианского ; ред. П. В. Кузенков / Г. А. Острогорский. – М. : Сибирская Благозвоница, 2011. – 895 с.

19. Гаген, С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. / отв. ред. член-корреспондент РАН И. П. Медведев / С. Я. Гаген. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 304 с.

20. Лемерль, П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / вступ. ст. и пер. с франц. Т. А. Сениной (монахини Кассии) / П. Лемерль. – 2-е изд., испр. – СПб. : Издательский проект «Квадривиум», 2017. – 482 с.

21. Тоноян, Л. Г. Никифор Влеммид и его «Логика» / Л. Г. Тоноян // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15, вып. 4. – С. 58–65.

22. Барвинок, В. И. Никифор Влеммид и его сочинения / В. И. Барвинок. – Киев : Тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1911. – 366 с.

23. Тоноян, Л. Г. Воображаемая логика Николая Васильева в свете христианской гносеологии / Л. Г. Тоноян // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2010. – Т. 11, вып. 2. – С. 170–184.

24. Поляковская, М. А. Портреты византийских интеллектуалов : три очерка : [о Димитрии Кидонисе, Николае Кавасиле, Алексее Макремволите] / М. А. Поляковская. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Алетейя, 1998. – 349 с.

25. Пападакис, А. Христианский Восток и возвышение папства / А. Пападакис, И. Меендорф ; пер. с англ. А. В. Левитского, У. С. Рахновской, А. А. Чеха. – М. : ПСТУ, 2010. – 630 с.

26. Успенский, Ф. И. Синодик в неделю православия : свод. текст с прил. / Ф. Успенский. – Одесса : Тип. штаба воен. округа, 1893. – 96 с.

27. Михайлов, А. М. Генезис континентальной юридической догматики / А. М. Михайлов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 496 с.

28. Мальцев, Г. В. Нравственные основания права / Г. В. Мальцев. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 400 с.

Материал поступил в редакцию 30.04.2021